



**Е.Ю.Потапчук**  
**МОЛЧАНИЕ**

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ  
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ**

Ошибка существует только в своих последствиях — лишь они придают ей значение. Не увековеченная ошибка вообще не может считаться ошибкой.

*Р.Шекли*

О политических метафорах, как правило, вспоминают только политтехнологи, пытающиеся обобщить опыт предвыборных кампаний. Между тем метафора структурирует социально-политическую реальность, задает основные смыслы образующих эту реальность процессов и явлений и содержит ключ к их пониманию.

Метафора — это языковая (речевая) аналогия, позволяющая включить новый предмет в пространство уже известного посредством сопоставления. Особую роль в жизни общества играют метафоры, которые М.Фуко называл «фундаментальными»<sup>1</sup>, С.Пеппер — «корневыми»<sup>2</sup>, Дж.Лакофф и М.Джонсон — «ориентационными»<sup>3</sup>, а Э.Маккормак — «базисными»<sup>4</sup>. Подобные метафоры не только создают условия для осмысления некоего феномена, но и организуют целую систему понятий, то есть выступают в качестве «гипотетического допущения, представляющего собой основу той или иной теории, научной дисциплины», метафизической концепции и т. п.<sup>5</sup>

Главное достоинство политической метафоры состоит в том, что, будучи многократно повторена, она запускает механизмы социального и политического управления. Озвученная политиком высокого ранга (например, президентом) метафора есть не просто вербализованная мысль, но целая программа действий на разных уровнях социальной жизни. По сути, метафора содержит в себе самое важное в организации социально-политических процессов — цель всех прилагаемых усилий. Именно через выдвижение политических метафор происходит целеполагание и — в конечном счете — целедостижение<sup>6</sup>. Так, политическая метафора «Сочи — столица Олимпиады 2014 г.», обнаруживая желаемое, организует деятельность различных структур по его достижению, задает направление экономического и социально-культурного развития города, региона, страны.

В России выдвижение новых политических метафор, то есть определение целей и задач общественного развития, как правило, является

<sup>1</sup> Фуко 1993.

<sup>2</sup> Pepper 1970.

<sup>3</sup> Lakoff, Johnson 1980.

<sup>4</sup> Маккормак 1990.

<sup>5</sup> Там же: 383.

<sup>6</sup> Парсонс 1997.

прерогативой политических лидеров, партий, движений, институтов федерального уровня. Что касается регионов, то им обычно отводится роль исполнителей, действующих в соответствии с установками Москвы. Тот факт, что российские регионы не часто выводят на орбиту политики метафоры, во многом объясняется тем, что политическая метафора, не подкрепленная практическими шагами — программами, законами, инвестициями, мероприятиями и т. п., утрачивает свое значение, превращаясь в простой речевой троп, а дождаться от центра реальной поддержки региональных инициатив удается редко. Понятно, что в этих условиях региональные политики стараются избегать метафорических оборотов — подобная игра в слова может обернуться для них потерей доверия со стороны населения.

О страхе «регионалов» перед политическими метафорами отчетливо свидетельствует, в частности, анализ региональной прессы. Областные и краевые газеты, чьим основным инструментом является слово, упражняются в создании метафор главным образом в социально-экономической сфере. Вот самые примечательные заголовки передовиц и ключевых материалов, опубликованных в апреле—мае 2007 г. авторитетной в Хабаровском крае «Тихоокеанской звездой» — газетой, имеющей солидный опыт и позиционирующей себя в качестве общественно-политической: «Миллион терзаний, или Почему дачники сердятся» (открытие навигации на Амуре), «В районном суде раздавался топор дровосека» (расследование незаконной рубки леса), «У малых народов большие проблемы» (VII съезд малочисленных народов Крайнего Севера), «Арбитраж как зеркало экономики» (юбилей Арбитражного суда Хабаровского края), «Накопительное строительство: добавьте ветра в паруса» (проблемы накопительного строительства в Хабаровске), «Хочешь гепатита — купайся в Амуре» (санитарная обстановка на хабаровских пляжах), «„Туши свет“ — скомандуют скоро в 40 ТСЖ Хабаровска» (конфликт ТСЖ и Хабаровскэнерго), «Миграционные тайны, покрытые... мраком» (проблемы миграции на Дальнем Востоке), «Школа будущего» (создание образовательного учреждения нового типа).

Таким образом, если федеральный центр, от которого зависит дальнейшая судьба политических метафор, с легкостью их порождает, то «регионалы», чьи возможности повлиять на политико-экономическую ситуацию посредством лоббирования интересующих их проектов крайне невелики, предпочитают молчать. Хроническое невнимание центра к региональным инициативам отстывает лишь в периоды очередных избирательных кампаний. Так, накануне выборов в Законодательную думу Хабаровского края «Единая Россия» активно поддержала предложение местных властей о разработке Тунгусского водного месторождения, чем обеспечила себе дополнительные голоса в краевой столице, где после аварии на китайском химическом заводе остро встал вопрос о снабжении населения чистой водой.

Политическая метафора организует любые — финансовые, научные, интеллектуальные и т. д. — усилия, направленные на достижение

заявленной цели. Так случилось при строительстве моста через Амур. Мост жизненно необходим для региона и страны, поэтому усилия по его возведению были сознательными, но метафора родилась стихийно. «Мы строим Мост» — в этих словах, консолидирующих краевое сообщество, слились воедино частные, корпоративные, производственные, экономические, политические, региональные и в конечном счете государственные интересы. Хабаровчане обязательно показывают гостям мост через Амур, и не только потому, что он — образец инженерного мастерства и трудолюбия жителей края, но и потому, что в нем воплотилась политическая воля местной власти. Можно предположить, что основное содержание этой политической метафоры — преодоление (что вполне в духе дальневосточников) как собственной косности и инертности, так и неблагоприятных условий. Мост через Амур не только облегчил сообщение между правым и левым его берегами, но и объединил жителей Хабаровского края. Иными словами, организуя деятельность людей, политическая метафора участвует также в процессах идентификации и самоидентификации социально-политических субъектов. Однако, как уже говорилось, боясь голословности, местные власти стараются избегать политических метафор, тем самым лишая себя некоторых возможностей.

«Немоту» региональных властных структур порождает политическая «глухота» структур федеральных. Процесс конструирования политических метафор в региональной политике вынужденно сублимируется в поиск конкретных решений практических проблем. Такой подход, безусловно, имеет свои положительные стороны. Но социально-экономическая, законодательная, культурно-просветительская, образовательная, природоохранная и т. д. деятельность общества должна цементироваться общими целями, а они могут быть определены только в ходе политического творчества, немалое место в котором занимает производство новых метафор.

Молчание регионов, неучастие их в создании метафорического строя современной российской политики совсем не безобидны. Отказываясь от политических инициатив, оставаясь хозяйственниками, региональные политики практически полностью передают функции стратегического планирования центру, который не всегда способен учесть региональную специфику. Кроме того, политический центр и регионалы-хозяйственники начинают говорить на разных языках, рассматривая проблемы под разным углом зрения (политическим и экономическим), что ведет к разрушению единого кода коммуникации, обеспечивающего внутрисистемное общение.

Процесс распространения политических метафор в российском политическом дискурсе имеет одностороннюю направленность: от федералов к регионалам. Поэтому для политических заявлений региональных политиков сегодня характерны лишь отклики на идущие сверху, из Москвы, метафоры, например: «Национальные проекты пускословия не любят»<sup>7</sup> или «Нацпроект „Доступное жилье“ может стать

<sup>7</sup> Оноприенко 2007: 3.

<sup>8</sup> Мишин 2007: 3.

<sup>9</sup> Арендт 1996.

локомотивом экономики»<sup>8</sup>. Такая структура политического творчества не способствует построению демократического общества, ибо демократия предполагает непрерывный открытый диалог<sup>9</sup>, а значит — двустороннее движение политических метафор. Не следует также забывать, что запущенные центром метафоры, если они не соответствуют ожиданиям регионов, могут не получить поддержки на местах и быть молчаливо похоронены, а это чревато дискредитацией самого центра, как уже не раз было в истории российского государства.

Политическая «глухота» центра и «немота» регионов взаимосвязаны; они — результат непрозрачности российского политического пространства, слабой его коммуницированности. Не исключено, что истоки этой непрозрачности и слабой коммуницированности кроются в фундаментальной метафоре, лежащей в основе российской трактовки политики как процесса, который запускается и контролируется центром. В рамках такой модели регионы подчиняются (или не подчиняются) центру, их общение с ним или между собой не предполагается. Неадекватность подобного взгляда на политику очевидна. Из аристотелевского понимания государства как высшей формы общения людей следует, что политика — это система коммуникаций<sup>10</sup>. Чем лучше будет организовано политическое общение, тем эффективнее будет управление, тем успешнее сможет государство выполнять свои функции. Не участвующие в коммуникации выпадают из политической системы, превращаясь в объекты манипуляции. Чтобы претендовать на роль элемента политической системы, регион должен «говорить». То, что не осознано, всегда представляется внешней причиной действия — внутри системы находится лишь то, что осмысленно<sup>11</sup>. Но для «осознания» политической системой своих элементов нужен идентификационный материал. Выдвижение политических метафор — один из ключевых механизмов его формирования.

Созданию новых и активизации старых каналов политической коммуникации между центром и отдаленными регионами страны призван способствовать Дальневосточный международный экономический конгресс, который решено сделать регулярным. Обращаясь к участникам Первого Дальневосточного конгресса, проходившего в сентябре 2005 г., Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ С.Миронов подчеркнул, что этот форум «должен помочь Москве лучше понять проблемы дальневосточников»<sup>12</sup>. В концепции конгресса указывается, что его основная цель — «проведение широкой независимой дискуссии представителей политических, деловых и академических кругов о проблемах социально-экономического развития восточных регионов России, о возможных направлениях развития интеграционных процессов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и перспективах эффективного включения в эти процессы восточных регионов России и Российской Федерации в целом через международное научное, технологическое и гуманитарное сотрудничество»<sup>13</sup>. Казалось бы, региональным политикам предоставляются широкие возможности для выдвиже-

<sup>10</sup> Данная идея была развита в работах Х.Арендт, К.Дойча, Н.Лумана, Ю.Хабермаса и ряда других современных сторонников коммуникационной модели политики.

<sup>11</sup> Луман 1989.

<sup>12</sup> Литвак б.г.

<sup>13</sup> <http://www.dvcongress.ru/>

ния новых политических метафор, консолидирующих усилия органов государственной власти, финансовых организаций, российской и мировой бизнес-элиты. Но первенство в производстве широких политических обобщений осталось за Москвой. Весьма показательным в этом отношении, что тот же Миронов связал задачи Дальневосточного конгресса с отмеченной в ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию РФ стратегической важностью восточных регионов России<sup>14</sup>.

<sup>14</sup> Там же.

Наиболее смелая политическая метафора прозвучала в приветствии К. Пуликовского, занимавшего в 2005 г. пост полномочного представителя Президента в Дальневосточном федеральном округе. «Восточные окраины России и страны Азиатско-Тихоокеанского региона, — заявил он, — будут развиваться только вместе»<sup>15</sup>. Такого рода заявления не могли не вызвать неоднозначные отклики в прессе. Журнал Федерального Собрания РФ «Российская Федерация сегодня», при информационной поддержке которого проводился конгресс, оценил его как «российское окно к „азиатским тиграм“»<sup>16</sup>, тогда как независимое NewInfo, напротив, увидело в нем своеобразный поводок, накинутый боящимся «потерять» регион Кремлем на дальневосточные инициативы<sup>17</sup>. Подобное столкновение политических метафор неизбежно, поскольку в процессе функционирования они раскрывают разнообразие позиций акторов.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Российское окно  
б.з.

<sup>17</sup> Лобер б.з.

Метафора в политике, как и метафора вообще, — это миф в свернутом виде<sup>18</sup>. В свою очередь, миф есть «культуроформирующая универсалия, основанная на „доверительном“ коде предпочтения, которая делает возможной первичную актуализацию комплексности окружающего мира для человеческого восприятия, переживания и познания»<sup>19</sup>. Другими словами, миф является универсальным кодом, а метафора и игра — универсальными формами коммуникации, в рамках которых происходит совмещение субъективного и объективного значений. Соединяя формальный и неформальный уровни<sup>20</sup>, политическая метафора возвращает участникам коммуникации право быть субъектами политики. Как точка бифуркации, где рождаются новые смыслы, пустое пространство, позволяющее приписывать собственные значения заявленному обороту, словосочетанию, лозунгу и т. п., метафора в политике выступает одним из механизмов общения и взаимодействия акторов. Конфликт же метафор создает коммуникационное напряжение, интенсифицирующее деятельность по поиску точек соприкосновения и возможностей взаимодействия, способствуя активной деформализации политических деклараций.

<sup>18</sup> Ячин 2001.

<sup>19</sup> Савелова 2006:  
53.

<sup>20</sup> Бляхер 2003.

Движение метафор в коммуникационном пространстве не только объединяет политических субъектов «по интересам», но и «сцепляет» метафоры разного уровня между собой, что в конечном счете может привести к возникновению «сквозных метафор», пронизывающих все этажи и эшелоны политики. В 1998 г. хабаровский губернатор В.Ишаев выпустил книгу «Особый регион России», посвященную проблемам своего края<sup>21</sup>. Данной метафорой жизнь Хабаровского края жестко свя-

<sup>21</sup> Ишаев 1998.

<sup>22</sup> <http://www.dvcongress.ru/>

зывалась с жизнью всей страны: регион должен служить России, быть ее частью, но государству следует учитывать и использовать его особенности. Эта не замеченная федеральной политикой идея получила дальнейшее развитие в итоговых документах Первого Дальневосточного международного экономического конгресса: в рекомендациях участников круглого стола «Инновационный путь развития Востока России» подчеркивалось, что «в регионе, где затраты (энергетические, транспортные, трудовые и т. д.) на производство обычной продукции в 1,5–2 раза превышают средние по другим регионам России», ориентация «на производство наукоемкой, непрерывно обновляемой продукции» с точки зрения перспективы безальтернативна<sup>22</sup>. Метафора об «особости дальневосточного региона успешно прицепилась к озвученной на конгрессе концепции «экспортно-импортной дуги», основная идея которой заключается в переработке на приграничной территории проходящих через Дальний Восток транзитных грузов. Подобная политико-экономическая «сцепка» приобретает особое значение в свете президентских предложений по развитию азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества. Констатируя, что в восточных областях России «имеются не только разнообразные природные ресурсы, но и необходимый технический, научный потенциал» для взаимовыгодного сотрудничества стран — членов АТЭС, В.Путин отметил: «Мы стремимся использовать членство в АТЭС для активного включения потенциалов российского востока в уже действующий в рамках форума механизм экономической интеграции. Руководствуясь здоровым прагматизмом, стараемся, с одной стороны, все шире участвовать в решении задач, стоящих перед сообществом АТР, а с другой — задействовать ресурсы регионального многостороннего сотрудничества в интересах развития Сибири и российского Дальнего Востока»<sup>23</sup>.

<sup>23</sup> Путин 2003.

<sup>24</sup> <http://www.dvcongress.ru/>

Таким образом, дальневосточные территории становятся своеобразным плацдармом для реализации далеко идущих политико-экономических планов России в сфере международного сотрудничества. Не случайно в приветствии к участникам конгресса губернатор Хабаровского края сделал упор на то, что цели и задачи этого форума «продиктованы необходимостью ускоренного экономического роста приграничных территорий Востока России и повышением роли этих территорий в сотрудничестве Российской Федерации с сопредельными государствами»<sup>24</sup>. Дополняет эту вполне сложившуюся сквозную политическую метафору идея формирования «мирового русского города» в мезорегионе «Тихоокеанская Россия». По мнению директора Тихоокеанского центра стратегических разработок М.Терского, «естественными ядрами нового мезорегиона» являются два дальневосточных города: Хабаровск и Владивосток, которые и раньше выполняли функцию «мезорегионального центра России в АТР»<sup>25</sup>.

<sup>25</sup> Терский б.г.

Первый Дальневосточный международный экономический конгресс проходил под девизом: «Горизонты партнерства России с государствами АТР: человек, природа, экономика». Девиз Второго Дальневос-

точного конгресса, состоявшегося в сентябре 2007 г.: «Через развитие Сибири и Дальнего Востока — к модернизации страны». Теоретическим основанием столь амбициозной метафоры стал доклад академика А.Некипелова, где доказывается, «что восточная часть российского государства развивается медленнее других территорий», и предлагается использовать средства стабилизационного фонда для модернизации дальневосточной экономики<sup>26</sup>.

<sup>26</sup> См. Сарычев б.г., Минакир 2005.

Проведение экономических конгрессов уже оказывает существенное влияние на развитие инфраструктуры Дальнего Востока в целом и Хабаровского края в частности. Международный форум внес значительные коррективы даже в градостроительные планы: поскольку оказалось, что краевая столица не совсем готова к проведению мероприятий такого уровня и масштаба, в Хабаровске запланировано строительство бизнес-центра, гостиниц и ряда других объектов.

Политическая метафора «мирового русского города», предложенная М.Терским, а также метафора «Хабаровск — город для людей», выдвинутая хабаровским мэром А.Соколовым<sup>27</sup>, удачно вписываются в программу создания в России 14 супергородов-миллионеров, в число которых будет входить и Хабаровск. Именно так профессиональный политик — государственный деятель, партийный функционер и т. д. — должен предлагать метафоры, обеспечивающие взаимопонимание участников политического общения. Если интересы, желания и потребности различных социальных групп и слоев не будут озвучены, то есть предъявлены обществу, оно превратится в нечто аморфное, неструктурированное либо расколется на конфликтующие, непримиримо настроенные по отношению друг к другу корпорации. Политик любого ранга выступает в качестве посредника между людьми и их группами<sup>28</sup>, а политическая метафора создает поле для диалога и поиска приемлемых для всех решений.

<sup>27</sup> Комсомольская правда 2007.

<sup>28</sup> Мельвиль и др. 2004: 30-31.

## Библиография

- Арендт Х. 1996. *Истоки тоталитаризма*. — М.  
 Бляхер Л.Е. 2003. Эвристичность метафор // *Полис*. № 5.  
 Ишаев В.И. 1998. *Особый регион России*. — Хабаровск.  
 Комсомольская правда. 2007. № 78.  
 Литвак И. *Дайте регионам «второй ключ»!* (<http://www.vostoknews.ru/?p=28id=1076>).  
 Лобер Ф. *Кремль мечтает «приблизить» Дальний Восток* (<http://www.novoenmnie.ru/lenta/287.html>).  
 Луман Н. 1989. Социальные системы // *Западная теоретическая социология 80-х годов*. — М.  
 Маккормак Э. 1990. Когнитивная теория метафоры // *Теория метафоры*. — М.  
 Мельвиль А.Ю. и др. 2004. *Политология*. — М.  
 Минакир П.А. 2005. Дальневосточный международный экономический конгресс. Мнения // *Тихоокеанская звезда*. 12.10.

**Мишин В.** 2007. Нацпроект «Доступное жилье» может стать локомотивом экономики // *Тихоокеанская звезда*. 22.05.

**Онопrienко Ю.** 2007. Национальные проекты пустословия не любят // *Тихоокеанская звезда*. 27.06.

**Парсонс Т.** 1997. *Система современных обществ*. — М.

**Путин В.В.** 2003. *АТЭС — локомотив интеграции* ([http://president.kremlin.ru/appears/2003/10/19/1339\\_type63382\\_54198.shtml](http://president.kremlin.ru/appears/2003/10/19/1339_type63382_54198.shtml)).

**Российское окно к «азиатским тиграм»** ([http://www.russia-today.ru/no\\_15/15\\_business\\_2.htm](http://www.russia-today.ru/no_15/15_business_2.htm)).

**Савелова Е.В.** 2006. Миф как коммуникация в теории систем Н.Лумана // *Проблемы языка и коммуникации в традиционной и современной культуре*. — Хабаровск.

**Сарычев П.** *Первый, но не последний* (<http://www.vostoknews.ru/?p=28id=1077>).

**Терский М.В.** *Субрегион «Тихоокеанская Россия»* (<http://www.tcsr.ru/analit.php?cat=11>).

**Фуко М.** 1993. *Слова и вещи*. — М.

**Ячин С.Е.** 2001. *Человек в последовательности событий жертвы, дара и обмена*. — Владивосток.

**Lakoff G., Johnson M.** 1980. *Metaphors We Live by*. — Chicago.

**Реперг S.C.** 1970. *The Search for Comprehension, or World Hypotheses* // Bobik J. (ed.) *The Nature of Philosophical Inquiry*. — Notre Dame.